

ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ОКТАБРЬ 2023 г. ● № 10 (320)

Издаётся редакцией и Союзом писателей России

Вячеслав
ЛЮТЫЙ

Старое «прозвище»

«Деревенская литература» в новом веке

Памяти В.И. Белова

Сегодняшнее литературное поле выглядит достаточно пёстро в жанровом и стилевом отношении. Тем не менее, можно выделить два его крыла и условно обозначить их как «литературу городскую» и «литературу деревенскую». Эти обозначения

делят отечественную словесность в известной степени почти на антагонистические направления. Либеральные систематизаторы от филологии в середине 1960-х годов даже ввели в творческий обиход вспомогательный термин «писатели-деревенщики», изначально снижая его образное наполнение. Однако, отвлекаясь от разговорной необязательности, подобные контрастные определения позволяют уяснить состояние и перспективы художественных «территорий», границы которых подчас размыты.

В социальном отношении такое положение вещей подкреплено урбанизацией российского пространства и негласным противопоставлением города – селу. Фактическая поддержка городских новаций и необременительная риторика на деревенскую тему – в отсутствии реальной инфраструктуры не только в деревнях, но и в малых городах, которые по исторической роли своей приближены самой жизнью к поселково-сельскому укладу, – вполне наглядны.

Городской литературный вектор, кажется, совсем не учитывает огромность российской земли и во многом под увеличительным стеклом искусства рассматривает реальный и душевный мир современного горожанина, сознание которого, практически, целиком погружено в заботы «каменных джунглей», в уединённость человека, который на этом свете оказывается только живой функцией, инструментом для решения неких важных концептуально-управленческих задач. Сама его внутренняя одиночество продиктована городским порядком, отвлечённым от земного первородства и ориентированного на человека, по существу, ни к чему фундаментальному не прикреплённого. Так сложилось, и изменить, очевидно, тут ничего уже не получится: изнутри системы её преобразование невозможно без каких-то жёстких и, кажется, немислимых проектов и действительных, а не «трибуных» решений. Потому и «городская литература» становится заложницей подобного устройства повседневности и, выглядываясь художественным оком в урбанистический облик мира, пристально изучает явления, по сути дела, вторичные.

Деревенская проза и лирика в интеллектуальном отношении свободней и в духовном плане, кажется, спокойней, нежели повествования о горожанах, изнурённых ежедневной гонкой в соответствии с тем или иным социальным расписанием, душевно измученных и терзаемых разнообразными психологическими комплексами. Деревенский человек, прежде всего, подсознательно не одинок. Он может в том себе не признаваться, испытывать приливы тоски по самым разным поводам, но чувство прикреплённости к истории и почве, по которой можно ходить босиком, взять и растереть её в ладонях, – присутствует в нём молчаливо и постоянно. Речь не идёт о новом поколении сельчан, которые стремятся уехать в мегаполис и найти там перспективную работу, квартиру и т.п. Жёстко говоря, это – перекати-поле, но даже у них в подсознании прикреплённость к своей земле всё ещё живёт, хотя и глубоко спрятана.

Если посмотреть в литературное прошлое XIX – начала XX веков, можно почти с удивлением обнаружить, что по тематике, героям и социальному положению прежние писатели вовсе не делились промолгасно или инкогнато на условных «городских-столичных» или «сельских». Литературное поле было общим, несмотря на очевидные идейные разногласия в содержании книг и в публичных авторских словах. Взаимное отдаление или даже отстранение стало проявляться в первые десятилетия советской эпохи, а дальше этот процесс становился всё более и более отчётливым и, судя по всему, необратимым. Со временем было озвучено и главное размежевание нашей литературы по идейному принципу: конформатор, почвенник, русский – либерал, западник, космополит. В самых разных пропорциях, с интонациями искренними и вкрадчивыми вторая половина сложившейся мировоззренческой «стенки» отрицала русскую самобытность и самостоятельность, пытаясь навязать скептическое отношение к любому художественному высказыванию, хоть как-то связанному с сельским миром исторической России вчера, сегодня и завтра. И когда появилось поколение авторов, для которых жизнь на земле представлялась важнейшей проблемой бытия, была введена в литературно-критический обиход едва ли не уничижительная характеристика «писатель-деревенщик».

До сих пор современные писатели с негодованием вспоминают закрепившееся «прозвище». Хотя теперь в нём совсем не слышится умаление, но, скорее, – скрытая ласка, доброта и читательская благодарность. Изменился фон, на котором высветлилось старое определение. Сегодня у российской литературы – другое лицо, и оно не может быть опознано как некое творческое целое. В этом большом и не очень красивом лице, будто в масштабной графической шараде, русский читатель находит знакомые очертания и воспринимает их как самодостаточные изобразительную территорию, на которой появляются знакомые люди, доносится эхо

из тяжкого вчерашнего дня, происходит столкновение родового и православного человека – с существом без рода и племени, без совести и памяти, без обязательств перед прошлым и будущим.

В «городской литературе» отсылка к прошлому, как правило, связана с темой репрессий 1930-х годов. Примечательно, что ранние потоки несчастных раскулаченных крестьян тут если и вспоминаются, то исключительно скороговоркой, а самое пристальное внимание уделяется городским коллизиям жестокой сталинской эпохи, низвержению советских «князей» самого разного уровня влияния и специализации – хозяйственники, военные, журналисты, партработники, деятели культуры – практически все они были накануне рокового дня фигурами, обобщенно говоря, «городскими».

Отодвинулось на десятилетия лихое прошлое, наступили более «травоядные времена». Однако фокус оптической трубы новых художников слова – жителей больших городов и двух столиц по сей день словно припаян к асфальтовому бытию, каким бы кучым в духовном отношении оно ни было, к тесному городскому подобию рая или чистилища на земле, как бы искусственно или фальшиво порой не выглядело это лукавое восприятие мира, в котором всё рационально или психологически непостижимо, полезно или ужасно и непереносимо... Город – центр противоречий и фатальная точка отсутствия душевной гармонии. Наверное, в том – важнейшая причина недолговечности литературных произведений, тематически прикреплённых к городскому ареалу. Здесь нет естественных природных ритмов, а течение времени скрыто регламентировано только колокольным церковным звоном и престольными и Великими праздниками – все иные регуляторы отсутствуют или выглядят придуманными, назначенными, по сути, не подлинными. Быть может, только Великая Отечественная война стирает линию разграничения города и деревни в давней реальности и нашей памяти, в литературных сюжетах и трагических воспоминаниях очевидцев.

Прошли годы, и мирное время вновь отодвинуло город от деревни, вернее, он сам отстранился, почувствовав свою линию жизни единственно верной, а «земляную», деревенскую посчитал какой-то вторичной, остаточной и неисправимо ущербной. И вот сейчас перед нашими глазами проходит пунктир существования жителя мегаполиса или – что куда драматичней – обитателя столицы. Если он писатель, то его перо с какой-то неявной обречённостью живописует страсти и маленькие радости современного горожанина, с болезненной наивностью полагая, что ментально и художественно это весомее, чем бытийные картины, наполненные мытарствами и борьбой маленького человека, не потерявшего связи с землей-матушкой и не очень стремящегося прикоснуться подошвами своих ботинок к брусчатке Красной площади.

Разумеется, из российских городов выпархивают не только житейские истории о трудных днях самых разных горемык от цивилизации. В лучших произведениях этого склада автор, кажется, забывает о своей «каменной» принадлежности и творчески исследует современный мир как таковой – в разных его точках и порой неожиданных преломлениях. И подобная книга почти не воспринимается как городское творчество, она словно бы принадлежит всем, вне зависимости от того, во что упирается взгляд повествователя: в шумный перекрёсток – или в умиротворённый луг, в огневое противостояние – или в память об отце-матери и даже прадеде. Между тем, упомянутое деление большого литературного поля на два крыла, пусть и неотчётливо все-таки присутствует в нашем чтении. Сама речь писателя несёт на себе печать его принадлежности к тому или иному оёкому – мякному, природному или жёсткому, безраздельно принадлежащему цивилизации.

Вот почему «деревенская литература» представляется творчеством онтологическим, а городская словесность, какие бы художественные достижения ей не принадлежали, оказывается вещью, привнесённой некими дополнительными обстоятельствами. Конечно же, речь не идёт о возвращении в идеализированное сельское прошлое, но требует внимания само сочетание «городского слова» и «деревенской речи», их взаимный художественный вес и соразмерность – отчётливая, внятная, продуманная и завязанная на перспективу. Не города и столицы есть признанные центры России на безразмерной карте государства, а сама провинция должна ясно понимать себя как страну, которая владеет Москвой и Питером, и никому их не отдаст, потому что это – своё.

Но сегодня акценты любви и влияния смещены и во многом перепутаны. Издательская политика, по преимуществу либеральная, «литературу земли» не жалует и ориентирована на что угодно, но только не на русский дискурс, который без книг о глубинке и о селе невозможен. Впрочем, отечественная «деревенская проза» сегодня не только существует, но и сильно многими рассказами, повестями и романами. Они с трудом преодолевают тернистую дорожку к читателю, но долгожданные встречи «писателя-деревенщика» и чуткого, умного современника, влюблённого в свою земную родину, происходят всё чаще. Вот только критика не спешит специально выделить и конституировать названное течение в нынешней литературе. Однажды всё-таки это произойдёт, и мы увидим, какое художественное богатство развернётся перед нашим внутренним взором – благодарным, терпеливым и изумлённым...

Рязанскому отделению СП России 65 лет!

5 октября в Рязанской библиотеке им. Горького торжественно отметили 65-летие Рязанского отделения Союза писателей России. В зале собрались писатели Рязани и области, а также любители русской литературы. На мероприятии присутствовали почётные гости из Москвы: председатель правления СПР Николай Иванов и секретари СПР Нина Попова, Нина Дьякова, Евгений Юшин. Также были представители Рязанской областной и городской Думы и других организаций. В зале звучали песни в прекрасном исполнении рязанского певца Дмитрия Лунева, поэты читали свои стихотворения. За многолетнюю творческую деятельность и профессиональное мастерство многие писатели были отмечены различными литературными наградами.

Англосаксы – глобальные бильярдисты, они работают по принципу «несколько шаров в лузу» (чему у них надо учиться). «Управляемо-хаотический» Большой Ближний Восток отсекает от нефти и газа Китай, а китайскую часть Евразии – от западноевропейской. Контроль над ближневосточными газом и нефтью означает контроль США над Европой, прежде всего Западной. Ну, а если Европе это не понравится, можно шарахнуть по ней кистенём долгового кризиса или устроить арабо-африканские волнения – с тому бюргеру мало не покажется.

Не в исторической традиции англосаксов выпускать добычу, в которую они вцепились бульдожьей хваткой. Будут давить до упора, пока не добьются своего, либо пока оппонент не сломает им челюсть. Слишком велики ставки, на кону – судьба самих сверхатлантических элит, а не просто угледорождов или Ближнего Востока. У Запада нет другого продолжения, как сказали бы шахматисты, кроме как давить дальше.

Суть в следующем. Сегодня США, несмотря на весь материальный и информационный потенциал этой огромной машины, управляемой опытнейшими наднациональными геоконструкторами и геожинженерами, испытывают серьёзнейшее перенапряжение сил. «Nilhil dat fortuna mancipio» – судьба ничего не даёт вечно! Время Америки проходит. Чтобы оттянуть окончательный упадок, ей нужна передышка.

Америка сегодня напоминает Римскую империю времён Траяна (начало II в. н.э.). Тогда от стратегического наступления Рим перешёл к стратегической обороне, начал строить защитные валы и уходить из некоторых завоеванных территорий – прежде всего с Ближнего Востока. Им придётся «уйти» в их прежнем качестве, сменить модель управления.

Андрей
Фурсов

работаем во имя этого Нового Ближнего Востока и не вернемся к старому» (Кондолиза Райс).

Западная элита после убийства Каддафи открыто и откровенно встала на путь физического уничтожения тех лидеров, которые мешают их планам, т.е. на путь террора. И если в отношении Милошевича и Саддама Хусейна были устроены фарсовые суды, то Каддафи просто убили в бандинской, «чисто конкретной» манере, не скрывая радостного «вау» по этому поводу. А чего стоит сцена в Белом доме, когда руководство США публично собралось перед экраном смотреть, как будут убивать «бен Ладена». До какой степени озверения и морального падения нужно дойти, чтобы, подобно дикой средневековой черни, глазеть на убийство и смаковать его. Западные верхушки ведут себя как самая настоящая глобальная ОПГ, даже не скрывая этого. Действуя по принципу «ты виноват уж тем, что хочешь мне кушать».

Конечная цель – превращение мусульманского мира в неотрадиционное гетто, лишённое ресурсов и технологии. Те, кто в детстве играл в «Dungeons and Dragons», помнят вариант «Мир чёрного солнца».

Мусульманский мир планировщики-глобалисты жаждут раздробить на множество мелких частей, с которыми можно управляться с помощью частных военных компаний или наёмников ТНК, выжать из этих частей остатки ресурсов и выбросить на свалку истории. Запад будет контролировать лишь точки концентрации ресурсов и зоны коммуникаций (например, почти 1800 км средиземноморского побережья Ливии); остальное отдадут на откуп племенам, кланам, криминальным синдикатам, контролирующим свои куски и кусочки. Такими «кусочками» могут стать части Саудовской Аравии, Пакистана (с выделением Белуджистана), Ирана – мусульманская мозаика. В то же время Западу потребуется надсмотрщик в регионе, и им вполне может стать Большой Курдистан. Единственное государство, которому могут позволить быть крупным.

На территории Большого Курдистана, если он будет создан, окажутся истоки всех крупнейших рек региона. А это значит, что в наступающую эпоху нехватки водных ресурсов и, как следствие, «водяных войн» в руках курдов, этого древнейшего народа, окажутся, как во времена Ассирии, важнейшие рычаги влияния на регион.

Курдистан может стать главным контролёром зоны, сменив в этой роли Израиль. Его перспективы в меняющемся Ближнем Востоке весьма туманны. Скорее всего Запад демонстрирует это государство за ненадобностью, как это предсказывал А.Тойнби ещё в 1957 году. Естественно, эвакуируя верхние 30-40% населения. Вариант создания Курдистана и демонтажа Израиля не стопроцентный, но весьма вероятный. Правда, это дело не ближайших лет.

«Нации – создание эпохи капитализма. Капитализм завершается, завершается с ним и нации. В мире будут складываться новые общности» (Андрей Парубок).

Однажды Иммануил Валлерстайн в одной своей лекции сказал, что интересно, через тысячу лет как мы будем вспоминать капитализм? Как краткий миг рывка, экспоненциального роста по контрасту с асимптотой докапиталистического развития или как что-то другое? Ясно совершенно, что капитализм – это исторический заговор, это преступление. Но в то же время капитализм – это и фантастические изобретения, колоссальный рост населения. Демонтаж же этих институтов и есть демонтаж капиталистической системы. Как только мировая норма прибыли в капиталистической системе снижалась, капитализм выхватывал из некапиталистической зоны часть и превращал её в капиталистическую периферию, решая проблему дешевой рабочей силы и источника сырья. В связи с этим колониальная экспансия шла такими спуртами – то колониальная экспансия, то все тихо; связано это было с мировой нормой прибыли. И что же происходит в 1991 году? Всё, закончились некапиталистические зоны. Капитализм не может больше развиваться.

Сирия наш главный союзник в арабском мире. Если бы мы допустили её крушение, то потеряли бы там всё. Но дело не только в арабском мире. Россия реально может оказаться по ту сторону истории вообще. После Сирии и Ирана (аналитики даже приводили название операции, которая должна начаться американо-израильским ударом по «Хизбалле»), – «Большая гроза» скорее всего настанет наша очередь. Так что можно сказать: бьют по Сирии (и Ирану), а целятся в Россию. Они близко к нашим границам и к нашему «подбрюшью» – Закавказью и Центральной (Средней) Азии. Если рухнут нынешние режимы в Дамаске и Тегеране, то сплошная зона управляемого хаоса,

контролируемая атлантистами, автоматически распространится от Мавритании и Магриба до Киргизии и Кашмира. Дуга нестабильности клинком упрётся в Центральную Евразию, откуда атлантисты могут прямо угрожать России и Китаю. Но прежде всего России.

Грядёт мировой системный кризис, что резко повысит значение контроля над ресурсами. Это значение увеличивается на порядок в условиях прогнозируемой геоклиматической и геофизической катастрофы. Я имею в виду не сильно мифологизированное глобальное потепление, а вполне прозаические затухания Гольфстрима, перестройку пищевых цепей мирового океана и циклическую (раз в 11,5-12,5 тысячелетий) планетарную перестройку, которая стартовала в начале XX века и закончится, если не произойдёт глобальная катастрофа, в первое тридцатилетие XXI века. В условиях кризиса и послекризисного мира единственной стабильной и ресурсобеспеченной зоной на ближайшие столетия будет Северная Евразия, главным образом – геопространство России. В этом сходятся практически все аналитики. Это делает нашу территорию главным геостратегическим призом XXI века и последующих нескольких веков. Известные русофобы Зб. Бжезский, М.Олбрайт и многие другие на Западе уже не раз говорили: несправедливо, что Россия владеет таким пространством и такими ресурсами. Мол, всё это должно принадлежать мировому сообществу – т.е. атлантистским элитам, организованным в логи, клубы, комиссии, ордены и неорденские структуры.

На Ближнем Востоке атлантисты столкнулись и с силой, сопоставимой с ними в экономическом и даже военном плане, но цивилизационно иной. Это Китай с его Dpang nach Westen. Его драгн – своего рода поход за «ресурсными зипунами». Пакистан уже в зоне влияния КНР. С афганскими талибами у китайцев давние связи. Иран – тоже союзник, хоть и специфический. Юг Ирака, по сути, контролируют шиитские союзники Ирана. Геостратегически и даже геоэкономически Китай выходит здесь не только в акваторию Индийского океана, но и Атлантики (средиземноморское побережье Сирии).

Впервые англо-американо-еврейская элита, формировавшаяся в последние столетия и ставшая организационно-историческим достижением Запада, столкнулась с глобальным противником незападного типа (советская верхушка и СССР были реализацией западного же левого проекта, якобинского Модерна). К тому же еврейскому сегменту западной элиты, обеспечивающему ей исторические древность и опыт, противостоит не менее, а возможно, и более древний китайский сегмент. Также весьма ориентированный на материальное, на торговлю и деньги. И при этом очень азартный, имеющий свою глобальную криминальную систему. Китайская мафия покруче итальянской будет! О золотовалютных резервах КНР как грозном финансовом оружии я уж не говорю.

Финальная схватка за Евразию и мир и, похоже, последняя Большая Охота капиталистической эпохи разворачивается в одном из древнейших регионов мира, а потому, помимо прочего, перенасыщена окультной, мистической символикой. Разграбление музеев в Багдаде и Каире и похищение или уничтожение археологических артефактов – вещь далеко не случайная и очень показательная, по крайней мере, для тех, кто понимает суть событий. Родится ли из этой схватки новый мир (как мы помним, «борьба – отец всего») или всё полетит в Тартар Истории – этого мы знать не можем. Ясно одно: сейчас решается исход битвы за Будущее, и тот, кто сморгнёт, проиграет.